

З. Д. КАСТЕЛЬСКАЯ

ВОССТАНИЕ
1916 года
В УЗБЕКИСТАНЕ

(К 20-летию восстания)

Государственное издательство УзССР
Ташкент — 1937

Глава I.

КАК ЖИЛОСЬ НАРОДАМ УЗБЕКИСТАНА ДО РЕВОЛЮЦИИ.

УЗБЕКИСТАН — КОЛОНИЯ.

Царскую Россию справедливо называли тюрьмой народов. В этой тюрьме было заключено 185 различных народностей. Лишенные самостоятельности и свободы, эти народы были превращены в колониальных рабов русского царя.

Узбекистан до Великой пролетарской революции был колонией царской России и находился у нее в полном подчинении. Народы Узбекистана были в руках у русских помещиков, фабрикантов и купцов. А управляли этими народами царские генералы, жандармы и чиновники.

Главным управителем Узбекистана был генерал-губернатор. Он был полновластным владыкой над местными народами. Местные народы называли его „половиной царя“ („ярым падшах“).

Генерал-губернатор был верным слугой русского царя. Царь же был главой русских помещиков, фабрикантов и купцов. Генерал-губернатор, выполняя волю царя, тем самым выполнял также и волю помещиков и буржуазии.

Царские власти натравливали один народ на другой. Они устраивали кровавую резню между узбеками и туркменами, таджиками и узбеками. Так, например, в 1910 г. в Бухаре произошла ужасная резня между узбе-

ками, таджиками и персами, в результате чего в течение одного дня было убито 100 человек.

Царские власти разжигали вражду между „христианами“ — русскими рабочими и крестьянами — и „мусульманами“ — узбеками, киргизами, туркменами, таджиками и другими. Царские генералы и попы внушали русскому народу, что „некрещенные сарты“ хуже скота. Они говорили, что языки местных народов это — „собачьи наречия“, от которых эти народы нужно отучить. И только русский язык признавался ими настоящим языком, на котором только и следует говорить. Царские власти упорно проводили „обрусение“ населения местных национальностей. Лишив местные народы политической и экономической самостоятельности, они хотели уничтожить также и их национальные особенности.

Царское правительство ни гроша не тратило на образование местного населения. Поэтому трудовое население Узбекистана было поголовно безграмотно.

При помощи такой политики царское правительство старалось укрепить свою власть. Чтобы сильнее укрепить свое господство и более успешно эксплуатировать трудящихся, оно сохранило и местные власти. Казии, мингбаши, аксакалы, волостные и другие были настоящими приказчиками царской России в узбекских и таджикских кишлаках, в киргизских, казахских и туркменских аулах. Все они грабили местное население, отбирали у него земли, скот, лишали воды его поля, заставляли бесплатно работать на себя.

Все представители как местной, так и царской власти требовали к себе „особого выражения уважения и покорности“. Трудящиеся обязаны были непременно кланяться каждому из них, уступать им дорогу, оказывать им всяческое внимание. Взамен же этого трудящихся только оскорбляли и унижали их человеческое достоинство. Народные массы были во власти полного произвола.

Часто местный дехканин или рабочий попадали в тюрьму без всякой вины. Арестованного держали в ужасных условиях, избивали, не давали есть. Судьи не считались ни с какими показаниями „туземцев“, если про-

тив последних выступал русский. А когда судились два „туземца“ — один бай, или мулла, или какой-нибудь представитель местной власти, вроде аксакала, волостного, а другой — бедняк, то правда всегда была на стороне богатей, а бедняк подвергался унижениям, побоям и, в лучшем случае, изгонялся как „лжец“, а очень часто, в угоду богатеям, ни за что попадал в тюрьму.

Тяжела и беспросветна была жизнь трудящихся. Одинаково плохо приходилось и бедняку-дехканину, жившему в кишлаке, и бедняку-кочевнику, жившему в ауле, и рабочему, жившему в городе.

До революции в Узбекистане было очень мало заводов. И только незначительное количество этих заводов имело двигатели, не превышавшие 60 лошадиных сил. Это были скорее карликовые предприятия полукустарного типа, чем заводы. На таких заводах очень часто работало всего 10 — 20 человек. И вот даже таких заводов в 1914 г. в Ферганской области было всего 316, в Сырдарьинской области — 190, а в Самаркандской области — 128¹. Большинство их было построено в Ферганской области. Ферганская долина была житницей хлопка, поэтому там и было больше всего хлопкоочистительных заводов: из 316 — 158 было хлопкоочистительных и 17 маслобойных². На этих заводах производилась лишь первоначальная обработка хлопка, весь же основной процесс обработки производился в центральной России — Владимирской, Московской и других губерниях.

КАК ЖИЛ РАБОЧИЙ.

Из общего числа рабочих в Туркестане в 20 925 человек, в Ферганской, Самаркандской и Сырдарьинской областях было 18 914, причем на Ферганскую область приходилось 12 482, из которых местных рабочих было 10 910 человек, т. е. меньше 0,5% к общему числу жителей области.

¹ Заурская и Александер. „Промышленные заведения Туркестанского края“, стр. 12, табл. 1.

² Там же.

Узбекистан был всего лишь колонией царской России, обязанной поставлять сырье для российских фабрик и покупать готовые товары российской промышленности. Поэтому-то до революции так слабо развивалась местная промышленность. Но как бы слаба она ни была, тем не менее она давала огромные доходы капиталистам.

Много заводов принадлежало русским капиталистам. Много заводов имели также и узбекские богатеи. Хозяева этих заводов — как русские, так и узбеки — беспощадно эксплуатировали рабочих.

Рабочим приходилось работать по 12, а иногда и по 15—16 часов в сутки. Заработной платой, которую рабочие получали, фактически оплачивались только лишь 2—3 часа их работы. Таким образом они недополучали в лучшем случае за 9—10 часов своей работы, а иногда и больше. Все эти часы они даром работали на хозяев-капиталистов, набивавших свои карманы золотом. У местных рабочих не было ни отдыха, ни праздничных дней.

Не лучше чем рабочим жилось и ремесленникам. Ввоз товаров из России обесценивал их труд. Этим пользовались воротилы-купцы, давая ремесленникам сначала ссуды сырьем, инструментом, а потом забирая уже готовую ремесленную продукцию почти за бесценок. Вырваться из их хищнических когтей ремесленник не имел возможности. Кроме купцов ремесленника эксплуатировал также и мастер. Мастер почти не принимал участия в работе и старался лишь получить побольше прибыли, жестоко эксплуатируя своих подмастерьев-ремесленников. Поэтому-то ремесленники и жили всегда впроголодь, часто болели и умирали. Никто не заботился об их здоровье, никто не охранял их труд и не думал об улучшении их жизни. Как рабочие, так и ремесленники жили в темных глинобитных конурках без окон, часто не имели таких необходимых вещей, как одеяла, подушки и прочее.

КАК ЖИЛ ДЕХКАНИН.

У узбеков, таджиков, туркмен и особенно у киргиз и казахов царское правительство отнимало лучшие земли. Много этих земель передавало оно своим генералам,

чиновникам, попам и кулакам. Много этих земель попадало и в руки местных эксплуататоров-помещиков, баев, кулаков, купцов, ростовщиков, мулл и прочих. Все эти землевладельцы безудержно эксплуатировали окружающее население.

Находясь под властью помещика и бая, кишлачный бедняк не мог развивать свое хозяйство. Он владел лишь ничтожным клочком земли. Этот клочок земли дехканин обрабатывал в поте лица своего и все-таки не мог прокормить своей семьи. Кругом земли было много, но вся она принадлежала или помещикам, или кулакам-баям. Так, в Ферганской области 51,6% лучших земель принадлежало эксплуататорам. Этими землями владели всего лишь 9,8% хозяйств области, а бедняцкие хозяйства, составляющие 81,1%, владели только 33,2% всей земли.

Помещики и байы были беспощадными угнетателями. Даже маленькие ничтожные наделы трудового дехканства привлекали их алчные взоры. В средствах они не стеснялись. Нередки были случаи, когда байы травили лошадьми посевы бедняков. Так, например, в 1913 г. в одном из кишлаков Андижанского уезда несколько кулаков-баев произвели траву почти всех посевов кишлачной бедноты. Пострадавшие возмутились. Но в ответ на их законное возмущение байы, поддержанные местным волостным, ответили: „Не дерите глотки! Эти пашни издавна принадлежали нам и нашим отцам“¹.

Помещики и байы делили свои участки на мелкие части и отдавали их беднякам для обработки. В конце лета, когда дехканин снимал урожай, большая часть этого урожая переходила в руки землевладельца, как плата за его землю. Дехканин же, который обрабатывал эту землю, получал за свою работу лишь небольшую долю этого урожая, в лучшем случае 1/2 или 1/4, а иногда даже 1/20 урожая. Такой дехканин назывался чайрикером.

Большинство узбекских дехкан было чайрикерами. Многие дехкане работали также и мардекерами и батра-

¹ Материалы по туземному землепользованию Ферганской области, Андижанского уезда. Ташкент, 1913 г., стр. 40.

ками, получая лишь гроши за свой каторжный труд. И только очень немногие из дехкан уходили в город и занимались на фабрики и заводы.

Вот, что рассказывал о своей прежней жизни знатный колхозник-орденоносец 62-летний Файзулла Юнусов: „Живу я в кишлаке, который носит название Байхатын. Отец мой жил в этом же кишлаке до 60 лет. Перед смертью он позвал своих трех сыновей и сказал: „Я всю жизнь трудился, а все равно счастья не было. Всю жизнь землю пахал на ишаке. Но перед смертью обязан вам сказать: любите труд“. Труд я полюбил только в колхозе. Разве можно было раньше любить работу, которая тебя мучила, а другим украшала жизнь?

Нашими землями раньше владели два кулака — Хасильбай и Клыч-Очиль. У них было много батраков, в том числе и я работал на них“.

Не завидна была также и жизнь самостоятельных дехкан-середняков. Их также эксплуатировали помещики и кулаки. Хотя у середняков и была своя земля и скот, но в таком незначительном количестве, что им тоже приходилось брать у бая в обработку землю и отдавать за это большую долю урожая. Большинство хозяйств середняков не имело достаточно средств, чтобы уплатить все налоги, долги, а поэтому их хозяйства постепенно ослабевали, разорялись и распадались. Дехкане же голодали и бедствовали.

КАК ЖИЛ ТРУДЯЩИЙСЯ-КОЧЕВНИК.

Не менее тяжела и беспросветна была и жизнь трудящихся скотоводов-кочевников. Они не имели почти ничего. Земли их были отняты. С 1906 по 1916 г. у киргизов Джетысу было отнято царскими властями 2 миллиона десятин земли. Очень часто кочевников переселяли на худшие земли. Отнимали у них леса. Так, например, киргизов Пржевальского уезда пускали в отобранные у них леса только на особые площади и то по билетам. Их основное средство существования — скот — неизбежно переходил в руки князей, баев, манаров. Большая же часть наиболее бедных кочевников работала у

этих же князей и богатеев в качестве пастухов и пасла скот, еще недавно принадлежавший ей. Такая пастыба скота оплачивалась очень низко. Так, например, в Кокандском и Ошском уездах в 1913—1915 гг. очень распространена была пастыба скота за незначительную долю продуктов. Князья и богатеи имели много скота. Они звали какого-нибудь бедняка, особенно такого, который или брал у них в долг, или еще был чем-нибудь обязан, и отдавали ему с полсотни голов скота для пастыбы и ухода за ними. В вознаграждение за труд пастухам разрешали пользоваться молоком от двух голов скота.

Желание бедняков-кочевников стать оседлыми и получить хотя бы маленький клочок земли встречало непреодолимые препятствия. Им не давали земли. Около 64 миллионов десятин земли в трех областях Туркестана (Ферганская, Самаркандская и Сырдарьинская) для них были недоступны, но зато получали земли всевозможные маналы-князья, аульные богатеи, русские кулаки и прочие угнетатели кочевых масс. Некоторое количество земель царское правительство отдавало также и русской крестьянской бедноте. Делало оно это, во-первых, для того, чтобы избавить своих помещиков от разоренных и недобровольных крестьян, а во-вторых, для того, чтобы разжечь национальную рознь между русскими и местными трудящимися.

В ужасающей нищете и нужде жило почти 5-миллионное население Туркестана. Властвовала же и благоденствовала лишь небольшая горстка российских и местных эксплуататоров.

НАЛОГОВЫЙ ГНЕТ.

Тяжелым грузом на плечах народов Узбекистана лежали также и налоги. И без того огромные, налоги еще более увеличивались во время империалистической войны.

Еще задолго до войны налоги на дехканство были так велики, что приводили к разорению и обнищанию целые кишлаки. Так, например, налоги по Зеравшанскому округу с 1868 г. по 1871 г. увеличились в 4^{1/2} раза¹. Не-

¹ Терентьев. „Россия и Англия в Средней Азии“, стр. 307.

прерывно увеличивался поземельный налог, ложившийся всей своей тяжестью на дехканство. Приведем для иллюстрации следующие данные увеличения поземельных налогов по десятилетиям:

1880 г.	— 2760 391 р.
1890 г.	— 3244 642 р.
1900 г.	— 4528 621 р.
1913 г.	— 6867 021 р.

В 1913 г. государственные доходы по Туркестану выражались в сумме 23 049 000 руб. В начале же 1916 г. эти доходы были еще увеличены и доведены до 38 329 000 руб. Был введен еще особый военный налог в размере почти 5 миллионов рублей. Существовавшие окладные сборы были также увеличены на 100%. Больше половины этих налогов шло на содержание генерал-губернатора, его чиновников, армии, жандармов, полицейских. Кроме этих налогов на местных трудящихся падало еще много всевозможных повинностей и сборов. Они содержали волостных, арык-аксакалов, мирабов. Они должны были следить за исправностью ирригационной сети. Вода же в первую очередь отпускалась мирабами для земель помещиков, кулаков-баев, русских переселенцев-кулаков, в имения царских генералов и чиновников, а посевы на дехканских землях гибли от засухи. Так, например, в течение всего 1915—1916 г. дехкане кишлака Таир-Шейх, Самаркандской области, боролись за то, чтобы их посевы не гибли без воды. В их прошении, поданном на имя каттакурганского уездного начальника, было сказано, что в 1915 г. „из нашей земли начальством было выделено 40 десятин земли священнику и двум учителям, и они эти участки засеяли, но вода им не была выделена, и они пользуются водой . . . из нашей доли, почему посевы наши ныне остаются без воды“¹.

Дехкане должны были также нести расходы „по народному здравью и оспопрививанию . . . по устройству и содержанию учебных заведений, учреждаемых прави-

¹ ЦАУ УзССР, фонд Каттакурганского уездного нач. арх. №3055 за 1915 г., л. 82. Прошение от 200 чел., жителей кишлака Таир-Шейх.

тельством . . . содержанию должностных лиц, по введению поземельного и податного устройства в крае . . . помогать переселенцам в устройстве искусственного орошения, школ, церквей...“ Нести расходы на „отопление, освещение и содержание в исправности казенных помещений, занимаемых генерал-губернатором и военными губернаторами“¹, и платить многие другие сборы. Царское правительство считало, что с колониальных рабов можно драть по десяти шкур. Все эти сборы шли лишь на усиление кабального гнета над бесправными массами.

Царское правительство взыскивало налоги с жестокостью, не взирая на разорение и нужду дехкан. Чтобы заплатить налоги, дехкане залезали в долговую петлю или к баям-ростовщикам, или к кредитным товариществам, которые мало чем отличались от ростовщиков. А уж раз дехканин залез в долг, то не мог из него больше вылезти. Приведем для примера случай с одним из дехкан кишлака Избаскент, Андижанского уезда. Он писал: „Я имел несчастье задолжать известному андижанскому баю Рузы Ахуну Назарбаеву 300 руб. За отсрочку платежа этих 300 руб. Рузы Ахун предложил написать ему вексель на 1 000 руб. В счет долга мною в разное время было доставлено Рузы Ахуну хлопка на 1715 руб. После последней доставки хлопка Рузы Ахун позвал меня к себе на завод, где битьем, угрозами продержал меня под арестом в конюшне одни сутки, получив от меня еще сто рублей деньгами и вексель на 2 000 руб. В заключение всего Рузы Ахун описал мои последние 2 десятины земли, стоящие 2400 руб., оценив их в 500 рублей“².

Долг дехканина рос, как снежный ком.

В случае неуплаты налогов государству или долгов ростовщикам трудящееся дехканство лишалось своей единственной кормилицы—земли и буквально превращалось в нищих.

К началу 1917 г. по Ферганской области безземельные и малоземельные дехканские хозяйства (от 0 до 1 дес.),

¹ Положение об управлении Туркестанского края 1886 г., ст. 317.

² ЦАУ, КТГГ, д. № 1800, за 1916 г., л. 117, 118. Прошение дехканца Султана Ходжи Абдурахим Ходжаева на имя Туркест. генерал-губернатора.

составляли, примерно, 51% всех хозяйств области, и владели всего 9,8% земли, в то время как хозяйства богачей (свыше 20 дес.), составлявшие 3,5% хозяйств области, владели 31,3% всей земли.

ОГРАБЛЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ ЦАРСКИМИ И МЕСТНЫМИ ВЛАСТЯМИ.

Империалистическая война, развернувшаяся на полях далекой Европы, протянула свои ужасные щупальцы и к народам Узбекистана. С 1914 г. царские генералы в Туркестане стали собирать „добровольные пожертвования“ на нужды войны. Эти сборы были настоящим грабежом среди бела дня. Обычно аксакалы, волостные старшины собирали дехканский сход и объявляли, что с каждого дома или юрты нужно „добровольно“ внести по 50 копеек¹. Для бедняков-дехкан, очень часто батрачивших у бая за 10—15 коп. в день, это было большим подрывом их нищенского бюджета.

Но царские приставы не стеснялись. Так, например, в Урджарском районе был такой случай:

Участковый пристав позвал к себе волостного управителя, дал ему квитанции и приказал: „На устройство лаварета собери 1000 р. Собери аульных выборных и прикажи им убрать хлеб солдаткам в русских поселках своей волости. Выстави для проходящих воинских частей в трех пунктах по 50 юрт и 1000 баранов и доставь в приемочную комиссию 100 юрт“. И вот волостной управитель бросился исполнять приказание. Он собирал аульных старшин и джигитов и заставлял их отнимать у киргизской бедноты юрты, выгоняя из них плачущих женщин и ребятишек. Потом старшины начали сгонять дехкан на „добровольную“ уборку хлеба с солдатских полей, в ход шли плети и кулаки, иначе никто не хотел идти на эти поля. Для того, чтобы отвезти собранные юрты, ссаживали с коней посреди степи первых попавшихся киргизов и забирали у них лошадей. И наконец волостной управитель вносит 1000 рублей, запол-

няет квитанции первыми, пришедшими ему на ум именами, а затем целый год выколачивает этот „добровольный“ сбор с местной бедноты в тройном или четверном размере¹.

Естественно, что такой „добровольный“ сбор вызывал со стороны бедноты резкое недовольство и протесты. Но местная власть была неумолима. И бедняку приходилось иногда продавать буквально последнюю рубашку, чтобы внести свою долю. Насколько велик был этот грабеж, говорит цифра в 2 400 000 руб. „добровольных пожертвований“, не считая продуктов и вещей, приведенная генералом Куропаткиным в его рапорте царю Николаю Кровавому². Но эта сумма была ничтожной каплей в море этих поборов.

Большая часть этих поборов оставалась в карманах волостных, аксакалов, приставов и прочей царской челяди. Так, например, в одном из кишлаков Самаркандской области, в Дагбите, царский пристав Сокольников собрал в течение лета с дагбитских дехкан почти 35 тысяч рублей деньгами и на 30 тысяч рублей продуктов и скота. Из этих денег в фонд при канцелярии Куропаткина поступило всего лишь ... 100 руб., а остальные деньги остались в кармане пристава³. Такие случаи в Туркестане были повсеместно. А высшие царские власти в колонии смотрели на эти злоупотребления сквозь пальцы, так как из этого золотого дождя и им перепало немало. Таким путем царские генералы и весь колониальный аппарат царской власти обогащались за счет узников царской России — бесправных угнетенных народов Узбекистана.

КАК РУССКАЯ И МЕСТНАЯ БУРЖУАЗИЯ ГРАБИЛА НАРОДЫ УЗБЕКИСТАНА.

От царских властей не отставали и русские фабриканты и купцы. В 1915 г. они утвердили очень низкую монопольную цену на хлопок. Расходы на производство

¹ КТГГ, Секр. ф. XI, д. № 1186, 1917 г. л. 73—75. Докладная записка Гаврилова Куропаткину и Керенскому.

² Дело Азиатской части Главного штаба № 42.

³ ЦАУ УзССР, КТГГ, д. № 1323, за 1916 г. Прошение жителей кишлака Дагбит на имя военного министра.

¹ КТГГ, д. № 1225, за 1914 г. л. 90, 96, 134—142, 179.

хлопка почти в два раза превышали эту цену. Хлопкоробы не могли свести концы с концами. А если они пытались украдкой кому-нибудь продать свой хлопок дороже установленной цены, то их задерживали и даром отбирали весь хлопок.

К тому же и готовые товары, которые привозились из России, страшно повысились в цене. Так, например, аршин ситца вместо 15 коп. стоил 45 коп., аршин тика вместо 15 коп. — 65 коп. Благодаря такой дороговизне сильно нажилась и местная буржуазия. Эксплуататоры, все без исключения, рвали где и что могли. Все они в один голос восклицали: „Надо пользоваться удобным случаем — другой такой войны не дожидаться!“ И действительно, они не стеснялись.

Хуже всего было с хлебом. В 1916 г. фунт хлеба стоил в 3—4 раза дороже, чем в 1913 г., и к тому же его почти не было¹. В кишлаках и городах появился страшный гость — голод. Много рабочих, ремесленников, хлопкоробов распухали и гибли от голода. Особенно много умирало детей. 1916 год до сих пор еще памятен народным массам под названием „кахатчилик“ (голодный год).

НАРАСТАНИЕ ВОЗМУЩЕНИЯ МАСС.

Общий кризис капитализма, порожденный империалистической войной, порастил все страны Запада и Востока. Империалистическая война уничтожала миллионы человеческих жизней, разрушала хозяйство. Война разоряла широкие слои крестьянства. Она усиливала ограбление колониальных народов. Она обостряла все противоречия капиталистической системы.

В. И. Ленин называл войну „военной каторгой для рабочих“. Во всех странах происходили забастовки и стачки, охватывавшие сотни тысяч рабочих.

Не избежала такого кризиса и царская Россия. Ее хозяйство разрушалось. Сокращались посевные площади. Нехватало хлеба и других продуктов. Долг царской Рос-

сии возрос до 8 миллиардов рублей. Нарастали рабочие забастовки и стачки. Приближалась гроза. В 1916 г. в Петрограде была мощная стачка рабочих-путиловцев. Нарастало возмущение и среди крестьян, нарастало недовольство и в армии.

Это положение нашло свое отражение и в Узбекистане. Все резче и резче проявлялось недовольство угнетенных масс дехканства, рабочих и городской бедноты. В 1915—1916 г. в городах происходили волнения на почве дороговизны. Широкую известность приобрели ташкентские „бабьи бунты“, когда голодные русские и узбекские женщины разбивали лавки и уносили продукты.

В Ферганской долине участились случаи ограбления контор хлопкоочистительных заводов, ограбления домов баев. Были случаи протестов против действий чиновников и полицейских и иногда даже убийства последних¹. Так расправлялись трудящиеся массы со своими угнетателями.

Количество рабочих местных национальностей в Туркестане до революции было очень незначительно. Например, количество ферганских местных рабочих доходило едва до 11 000 человек. Они были еще не организованы, распылены и слабы как класс. Но, несмотря на это, они, возвращаясь в кишлаки к своим близким, оказывались тем активным и сознательным элементом, который подбадривал слабых и пробуждал их сознание. Местные рабочие живо следили за тем, что делалось на фронтах и в самой России. Они рассказывали дехканам о военных поражениях России, о возмущениях среди рабочих и крестьян. Их радовали эти слухи, свидетельствовавшие о том, что белого царя ненавидит и „свой собственный“ народ. Непокойно было и в других местах Средней Азии. Так, например, в конце 1915 г. и в начале 1916 г. было крупное восстание дехкан в Хивинском ханстве. Это восстание было направлено против хивинского хана и его чиновников — именно как против верных слуг русского царя. Восстание продолжалось три месяца, и только при помощи царских войск хивинский хан подавил его.

¹ Бюллетень Центрального хлопкового комитета № 3—4 за 1917 г., стр. 108.

¹ КТГГ, д. № 1084, за 1916 г., л. 2—6:

На малейшие протесты масс царские власти отвечали жестокой расправой. Они сажали в тюрьмы и избивали всех, кто в их глазах был ненадежным и недовольным элементом, иными словами — городскую и кишлачную бедноту. Но такая расправа только еще больше увеличивала ненависть масс.

В 1916 г. в кишлаках и городах Узбекистана почва для революционной вспышки была уже подготовлена. Нужна была только искра, чтобы воспламенить накопившийся горючий материал. И вот такой искрой стал указ о наборе на тыловые работы, подписанный царем Николаем Кровавым 25 июня 1916 года.

Глава II.

ВОССТАНИЕ 1916 года В УЗБЕКИСТАНЕ.

1916 год был третьим годом империалистической войны. Царская Россия терпела поражение за поражением. Для защиты прибылей англо-франко-русских капиталистов 12 миллионов русских солдат было брошено в жерло войны в качестве пушечного мяса. Но война требовала еще и еще жертв. Она все более и более лишала российскую промышленность рабочих рук. Рабочие руки были также необходимы и для работ в тылу армии. И вот самодержавие нашло выход.

Решено было призвать массы „инородцев“ и послать их в качестве безропотной и дешевой рабочей силы на фабрики, заводы и имения, в рудники, на железнодорожное строительство и на окопные работы. Этот набор „инородцев“ давал возможность продолжать пополнение войска русскими рабочими и крестьянами, без ущерба для российских помещиков и фабрикантов, карманы которых оставались неприкосновенными. Из Туркестана предполагалось забрать 250 тысяч человек.

УКАЗ И ЕГО КЛАССОВАЯ СУЩНОСТЬ.

Был объявлен указ следующего содержания:

„1526. О привлечении мужского инородческого населения Империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных, необходимых для государственной обороны работ.

Государю императору благоугодно было, в 25 день июня 1916 г., Высочайше соизволить повелеть:

1. Для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных, необходимых для государственной обороны работ, — привлечь в течение настоящей войны нижепоименованное мужское инородческое население империи, в возрасте [от 19 до 43 лет включительно:

а) инородческое население Астраханской губернии и всех губерний и областей Сибири, за исключением бродячих инородцев и всех вообще инородцев, обитающих в областях: Приморской, Амурской, Камчатской и Сахалинской, в округах Среднеколымской, Верхоянской и Вилюйско-Якутской области, в Туруханском и Богучанском отделениях Енисейской губернии и уезда, в Тогурском отделении Томской губернии и уезда, а также в Березовском и Сургутском уездах Тобольской губернии;

б) инородческое население областей Сырдарьинской, Ферганской, Самаркандской, Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской, Тургайской и Закаспийской;

в) мусульманское население Терской и Кубанской областей и Закавказья, за исключением подлежащих отбыванию воинской повинности натурой осетин-мусульман, а также не подлежащих сей повинности турок и курдов, обитающих в Закавказье езидов, ингилойцев-христиан и абхазцев-христиан Сухумского округа, равно как тухмен, ногайцев, калмыков и прочих подобных им инородцев Ставропольской губернии".

Туркестанский генерал-губернатор 2 VII разослал телеграммы всем военным губернаторам областей. Он приказал в ближайшие же дни составить именные списки всего местного населения, чтобы на основании их можно было провести набор.

Узнав об этом решении, взволновалось все местное население. Недовольны были трудящиеся. Недовольны были также и баи, и духовенство, и буржуазия. Всем казалось, что набор касается всех без исключения „туземцев“. Однако царские власти очень быстро исправи-

ли свою оплошность. Помещикам, баям, духовенству и буржуазии были даны всяческие льготы.

Из Петрограда было прислано распоряжение об освобождении от набора всех местных волостных и сельских властей, нижних полицейских чинов, имамов, мулл, мударрисов, учащихся в гимназиях и университетах, чиновников из местного населения и туземцев, пользующихся правами дворян и потомственных почетных граждан¹. Российское самодержавие проявило исключительное внимание к своим классовым союзникам и не забыло ни одного из них.

Кроме этого распоряжения было сделано и другое, сводившееся к тому, что „любой туземец“ может нанять другого человека и послать его вместо себя. Естественно, что „нанять за себя“ мог только тот, кто имел деньги, т. е. опять те же эксплуататоры, в руках которых была и земля, и власть, и деньги. Ни рабочие, ни хлопкоробы, ни скотоводы, ни ремесленники этого сделать не могли. Все эти льготы вызвали сильнейшее недовольство масс. Туркестанская охранка с тревогой доносила генерал-губернатору, что „в чайханах и тому подобных заведениях туземцы говорят, что если не будут взяты на работу богачи, то менее состоятельный класс населения склонен к учинению крупных беспорядков и расправится с богачами“².

Таким образом широкие массы народов Узбекистана очутились лицом к лицу с единым сплоченным фронтом своих смертельных врагов. Царские генералы, российские фабриканты, местные помещики, баи, духовенство, представители национальной буржуазии — все были заодно. И вот накопленная многими десятилетиями ненависть к угнетателям вспыхнула с огромной силой и захватила все города и кишлаки. Восстание, начавшись летом на территории нынешнего Таджикистана и Узбекистана, к осени уже распространилось на всю Киргизию, на большинство районов Казахстана и на всю Туркмению.

¹ ЦАУ УзССР, д. № 11. ТКВП, 1917 г., л. 14.

² ЦАУ УзССР, В. Г. С/Д обл. д. № 1, 1916 г., л. 9.

НАЧАЛО ВОССТАНИЯ.

Восстание 1916 г. прежде всего началось в Ходжен-те, где 4 июля произошло кровавое столкновение повстанцев с царскими полицейскими, солдатами и местными властями. Массы восставших состояла из городской бедноты, кустарей-одинок, пригородных дехкан, чайрикеров и мардекеров; среди них было много женщин и детей. Восставшие начали с того, что потребовали не составлять списков их родных. Но полицейские за непослушание грубо угрожали жестокой расправой. Тогда собравшийся народ, выведенный из терпения, подхватил с дороги камни и начал бросать их в полицию, пытаясь ее обезоружить. В помощь полиции прибежали из крепости солдаты и выстрелами разогнали повстанцев, из которых несколько человек было убито и ранено.

На следующий день в Ходжен-те был уже карательный отряд с пулеметами, и началась расправа. Один из участников этого восстания, Джуря Закиров, пишет в своих воспоминаниях: „Когда жители махаллей Хазрет-баба и Беш-копа днем идут за водой на Дарью, солдаты вместе с офицерами беспощадно с ними расправляются, бьют прикладами и убивают. Но несмотря ни на что ходженцы решили не давать рабочих. В течение ближайшей недели царская администрация вместе с казим и баями — Умаровым, прослужившим русскому правительству 36 лет, и Камилджаном Абиджановым, крупнейшим ходженским землевладельцем и торговцем, и другими — старательно уговаривали народ подчиниться приказу, но в ответ получали одни и те же слова: „Пусть царь сначала снимет нам головы, а потом отнимет наших детей“¹.

ВОССТАНИЕ В ФЕРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ.

Начиная, примерно, с 8 июля восстание вспыхнуло сразу в Ферганской, Сырдарьинской и Самаркандской областях. Царские власти успокоились. В этих начавшихся вспышках они почувствовали серьезную угрозу.

¹ Ж. „Коммунистическая мысль“ № 5, за 1927 г., стр. 137—139.

Борьба в Ферганской области началась с кишлака Аванган, где были ранены волостной и писари, составлявшие списки, 9 и 10 июля произошли уже серьезные столкновения в целом ряде кишлаков.

В кишлаке Газы-Яглык, Араванской волости, Кокандского уезда, собралось около 1000 человек дехкан из кишлаков Туркмен, Чима-бый, Барзанчи, Катта-Мингляр, Катта-Арван и Кашгар. Собравшиеся окружили дом волостного и кричали: „Давай списки, проклятая душа, и дай обещание, что больше не будешь записывать нас в мардекеры“. Но волостной заявил: „Орите, не орите, все равно все пойдете на работы и там подохнете“. Разъяренные повстанцы бросились на волостного и его писаря и обоих убили. Но еще во время перебранки волостной успел послать к уездному начальнику за помощью. Прискакали казаки и полицейские, окружили Газы-Яглык и начали расправу. Они арестовали несколько человек, предварительно избив их до полусмерти нагайками и искалечив лошадьми. Повстанцы были почти безоружные. Огнестрельного оружия у них не было. Вооружались они по преимуществу кетменями, палками и камнями. Конечно, с таким оружием трудно было сражаться с вооруженными до зубов казаками и полицейскими.

В кишлаках Шейхляр и Ганджирован у аксакала были отобраны списки и сожжены. Был сожжен также и дом аксакала в Шейхляре.

9 и 10 июля произошли также столкновения повстанцев с полицией в Коканде, Андижане и Старом Маргелане. 9 июля в Коканде собралось до 500 человек рабочих, городской бедноты и ремесленников. Они устроили бурную демонстрацию протеста против набора. Прискакавшие конные полицейские начали топтать собравшихся лошадьми. Испуганный, безоружный народ разбежался.

В тот же день в Андижане, по приказу начальника уезда, местное население собралось в мечети Джами. Когда начальник уезда объявил о наборе, собравшиеся были ошеломлены. Несколько минут стояла гробовая тишина. Потом стали раздаваться крики: „Не дадим рабо-

чих“, „Вы нас обманули, обещали же не брать на войну“, другие требовали показать бумагу от царя. Гнев народа нарастал. Испуганные полицейские во главе с начальником уезда Бржезицким бросились бежать. Тогда повстанцы, среди которых было много местных рабочих с хлопкоочистительных заводов, много ремесленников и полуголодных студентов медресе, вооружившись бутылками, камнями, палками, ножами, пошли по направлению к Гультейнской площади. В это время один из андижанских баев, Касымов, сказал повстанцам: „Как вы смеете противиться воле царя, да еще гонять, как зайца, начальника уезда“. За эти слова повстанцы исколотили Касымова почти до смерти. В это время полковник Бржезицкий уже вернулся обратно, в сопровождении усиленного наряда полиции и казаков. В карателей полетели камни, бутылки, палки. Повстанцы окружили коляску начальника уезда и настойчиво требовали освобождения от набора. Но каратели стали стрелять в упор. Народ начал разбегаться. 12 человек повстанцев были смертельно ранены, 4 человека убиты.

10 июля в Старом Маргелане произошла схватка на Урде. Во время разъяснения о необходимости набора 20-тысячная масса народа кричала: „Нет для вас рабочих“, „Бейте аксакалов и полицию“. Опять пошли в ход палки, бутылки, булыжники. Было убито 7 человек: 3 городских, 3 мираба и аксакал. Полиция бросилась бежать. Повстанцы с криком „бей“ помчались за нею. Они врываются в квартиры, куда прятались полицейские. Всюду, где были портреты царя, они рвали их в клочья. Только с большим трудом удалось полицейским отрядом рассеять повстанцев.

11 июля произошло кровавое столкновение с полицией в Намангане. Было убито 16 человек повстанцев и ранено 30 человек. Царская власть была сильно напугана. Всюду рассылались карательные отряды солдат и казаков. Но восстание все разгоралось. В этот же день были резкие вспышки в ряде кишлаков. В Уч-Кургане, в Дон-Койме, в Ишан-Гузаре, в Яккатуте, в Шур-Кургане и других кишлаках повстанцы сжигали и рвали списки, громили дома волостных, избивали и убивали

местную администрацию. Так, например, в кишлаке Шур-Курган волостного выбросили из окна второго этажа. Вспышки в кишлаках происходили тоже 12 и 13 июля. Возмущения вспыхивали в одном кишлаке за другим: в Ходжабаде, Баба-Газы, Урманбеке, Каландаре, Инды-Мазаре, Нижнем Алмазе, Уйчи, Тепе-Кургане.

Бадалбаева, Чини-биби, активная участница восстания в Маргелане.

В ночь на 13 июля в кишлаке Чуама был не только убит пятидесятник и разгромлен дом старшины, но и разгромлен дом отца старшины — чуаминского кулака-бая и ростовщика, который поедом ел кишлачную бедноту, выдавая ей деньги в долг под залог васих¹. А потом, вслед за васихами в его руки неизбежно переходила и земля. Повстанцы, разгромив дом этого бая, ничего не взяли, кроме долговых документов и васих, которые там же и сожгли.

¹ Документ на право владения землей.

Таким образом чуаминские дехкане посчитались не только с местными властями, продавшимися царской России, но и с их родственниками ростовщиками-мироодами, лишавшими их земли.

14 июля в кишлаках Пап, Чиндауль были сожжены списки. В Чиндауле народ избил полицейских и заставил их отступить, разгромил дом волостного. 15 июля в кишлаке Кызыл-Рават народ искал списки, избил сына волостного. В Чадаке был убит волостной и избиты его помощники. В кишлаках Верхний и Нижний Ашт вооруженные ножами, топорами, кетменями повстанцы отобрали у волостных списки, разгромили дома волостных и убили не только их, но и их родственников. То же самое произошло и в кишлаке Пнук. В кишлаке Яр-Курган волостной, отказавшись выдать народу списки, спрятался в мечети, думая найти там неприкосновенное убежище. Но возмущенный народ сломал железную решетку мечети, выволок оттуда волостного, избил его и отнял списки.

Царские власти всюду рассылали карательные отряды. Под их напором восстание в Ферганской области было усмирено к 20 июля. Но несмотря на усмирение, военный губернатор и начальники уездов не были спокойны. Они разъезжали по всем городам и кишлакам Ферганы, собирали народ и угрозами и обещаниями старались рассеять грозные тучи народного гнева. Везде в помощь царской администрации выступали не только представители местной власти, но и баи, духовенство, купцы.

23 июля ферганский губернатор Гиппиус, договорившись предварительно с муллами, собрал в мечети народ и решил устроить „маскарад“. Он напялил на свой генеральский мундир халат, надел чалму, и взяв в руки коран, поцеловал его и сказал: „Я много читал коран и люблю эту божественную книгу... Верите ли вы теперь мне?“ И вслед за этим „представлением“ начал уговаривать собравшихся выполнить указ и дать рабочих. Народ угрюмо молчал. Ясно было, что добровольно набор провести не удастся. На Ферганскую область падала разверстка в 50 тысяч человек.

ВОССТАНИЕ В ТАШКЕНТЕ И ТАШКЕНТСКОМ УЕЗДЕ.

На Ташкент падала разверстка в 12 тысяч человек, т. е., примерно, по одному рабочему от двух семей. Рабочие и городская беднота старого города Ташкента, собираясь в своих махаллях, обсуждали беду, свалившуюся на их головы, и решили рабочих не давать.

Видя недовольство масс в первые дни после распространения слухов о наборе, некоторые представители местных господствующих классов высказывали недовольство набором. Трудящиеся массы, решив устроить демонстрацию протеста, предлагали им пойти вместе. Но последние лицемерно отклонили это предложение, сказав, что они лица влиятельные и что им неудобно. „А вам, простому народу, — говорили они, — ничего не будет, а губернатор испугается и набор отменит“. Но наиболее сознательная часть рабочих и городской бедноты уже достаточно понимала, что с богатыми трудящимися не по пути.

В Сибзарской и Кукчинской махаллях рабочие — кожевники и строители — Камалев, Зайнутдинов, Юлчи Ибрагимов и другие — собирали вокруг себя народ и говорили: „Вот теперь забирают детей камбагалов (бедняков), нужно поднять восстание и оказать сопротивление полицейскому управлению“. И вот 11 июля массы восставших — рабочие, ремесленники, кустари, пригородные дехкане, в том числе очень много женщин, подошли к полицейскому управлению и стали кричать, что рабочих они не дадут, что пусть лучше их всех прежде убьют, а потом уже забирают их детей. Полицейские старались отстоять повстанцев, но последние с криком продолжали нападать. Тогда из полицейского управления выскочил расвирипевший помощник полицеймейстера Мочалов. Он начал грубо ругать собравшихся, особенно женщин, и приказал полицейским стрелять в народ. Сам немедленно подал пример, в упор застрелив старую узбечку Ризбон-биби.

Повстанцы бросились на полицейских и одного из них убили; в ход пошли камни, зазвенели стекла окон полицейского управления. Полицейские, струсив, спря-

тались внутри помещения и вызвали себе на помощь войсковую часть. Но повстанцы не собирались расколоться. Они ждали подкрепления: к ним должны были присоединиться еще сотни людей из Сибзарской и Кук-

Группа женщин, активных участниц восстания 1916 г. в Ташкенте. В середине т. Зухри-биби.

чинской махаллы. В это время помощник казия [Ибрагим-бека, сгорбленный старик Султан-ака, с плачем пытался пробраться к Мочалову. Он рвал себе бороду и

восклидал: „У меня единственный сын, смилитесь“ Свирепый Мочалов внимательно посмотрел на старика и вежливо ответил: „Что же я могу сделать, у всех у нас дети“, — и вошел в управление. Старик еле-еле поплелся за ним. Войдя в помещение, он немедленно преобразился — перестал плакать, выпрямился и быстро сказал Мочалову: „Сейчас подходит толпа кукчинского и сибзарского населения, если не предпримете немедленные меры, то они скоро уже подойдут“. Один из повстанцев (Юлчи Ибрагимов) услышал через окно этот разговор. Он передал его собравшимся. Народный гнев возрос. Повстанцы схватили полицеймейстера Колесникова, избили его, пытаясь убить. Они немедленно оборвали телефонные провода, убили какого-то старика бая, затесавшегося в их среду и пытавшегося дезорганизовать массу словами: „Разве можно противоречить царю“. И только вторичное подкрепление из юнкеров, открывших непрерывную стрельбу по восставшим, заставило последних отступить. Много из них было искалечено, избито до полусмерти. Много было убито и ранено. Среди раненых были и женщины. Наиболее активной из женщин была Зухри-биби, домашняя работница, уже в 1916 г. ходившая без паранджи. Она была тяжело ранена в грудь. Ее подобрали товарищи и спрятали. И сколько ни искали ее жандармы, найти не сумели. Зухри-биби жива до сих пор. Она инвалид и пенсионерка.

Много повстанцев было схвачено и посажено в тюрьму. Большинство арестованных было рабочими или ремесленниками. Наиболее активными из них были:

Мир Касым Исамухамедов — кустарь, делавший оттиски на материи кустарного производства.

Абдурахман Абдукаюмов, по прозвищу Суфи — сын кустика, сапожник.

Низаметдин Зайнутдин, родился в 1875 г. в семье батрака, строительный рабочий.

Таджибай Юнус Ходжиев, родился в 1897 г., рабочий механических мастерских ташкентского трамвая.

Гулям Камалев, родился в 1854 г. в семье рабочего-строителя. Сам тоже был строительным рабочим.

Активные участники восстания 1916 г. в Ташкенте: Махмуд Ходжа Мирза Ходжаев, рабочий-печатник. Был жестоко избит и искалечен полицейскими. Абдурахман Хакимов, дехканин-бедняк. Был приговорен к 20 годам каторги.

Юлчи Ибрагимов — сын чернорабочего. Сам был рабочим кожевником.

Махмуд Ходжа Мирза Ходжаев, родился в 1886 г. в семье строительного рабочего. Был сначала чернорабочим в типографии, а потом рабочим-печатником.

Юлчи Ибрагимов, рабочий-кожевник. Был приговорен к 20 годам каторги.

Якуб Раджапов, родился в 1890 г. в семье дехканина-бедняка. Сам был конюхом.

Все они и еще много других рабочих, кустарей, ремесленников и прочих представителей городской бедно-

ты г. Ташкента решительно и мужественно боролись с царской властью и ее верными псами — местной администрацией.

Расправа с ташкентцами не испугала окрестных дехкан. 14 июля произошло кровавое столкновение в кишлаке Ханабад, Ташкентского уезда, где во время волостного схода четырех волостей был ранен кенджигалинский волостной управитель и убит джигит пристава. В кишлак Ханабад немедленно была брошена для расправы рота солдат из Ташкента.

21 и 22 июля произошли последние волнения в Сырдарьинской области: на ст. Кауфманская, в Букинской волости и в Пскенте дехканские массы категорически отказались дать рабочих. В Той-Тюбе убили волостного и разгромили все его имущество. Но из Ташкента сейчас же прибыл карательный отряд в 100 человек, и повстанцам пришлось разбежаться.

ВОССТАНИЕ В САМАРКАНДСКОЙ ОБЛАСТИ.

Борьба в Самаркандской области началась в кишлаке Уругут 5 июля. Повстанцы избили представителей местной власти, отняли у них составленные уже списки и разорвали их. 7 июля в кишлаке Дагбит повстанцы не только отобрали списки, но и убили писаря и сильно ранили старшину.

Особенно острая борьба разгорелась в Джизаке и Джизакском уезде.

Местное население Джизакского уезда уже в начале июля знало о наборе. Народ горячо обсуждал указ и решительно высказывался против его выполнения. Широкие народные массы считали, что по этому указу должны пойти все без исключения. „Если пойдем мы, — говорили они, — то и сыновья баев пойдут вместе с нами“. Но уже 10 июля выяснилось, что сыновья баев могут нанять вместо себя рабочего и тем самым освободиться от набора. Это вызвало взрыв недовольства.

Тогда уездный начальник, полковник Рукин, услышав о протестах против набора, созвал население и угрожал ему, что в случае сопротивления сотрет его с

лица земли. По его приказанию местная администрация немедленно приступила к составлению списков, причем в списки включали только бедноту. Испуганный народ не знал, что делать дальше. Решили прежде всего узнать — как ташкентские массы отнеслись к этому указу. Этим намерением воспользовался один из джизакских ишанов, Назир Ходжа, и вызвался съездить в Ташкент все разузнать.

12 июля Назир Ходжа уже вернулся в Джизак и сообщил, что в Ташкенте произошло восстание и что народ решил рабочих не давать. И вот 13 июля несколько тысяч человек подошли к канцелярии старшины Мирзояра Худоярова и потребовали списки. Худояров вышел на крыльцо и закричал: „Убирайтесь вон, пока целы, и лучше не показывайтесь мне на глаза! Списка у меня нет, он у аксакала“.

Но повстанцы не собирались уходить. Они силой заставили старшину пойти с ними к дому старшего аксакала. Но дорогой повстанцы, после жестокой перебранки, не выдержали больше и убили старшину. До аксакала уже дошли слухи, что народные массы убили старшину и приближаются к его дому. Он и его прислужники немедленно бросились бежать в новый город под защиту русских полицейских. Повстанцы, не найдя никого, разгромили весь дом, сожгли мебель и служебные книги и двинулись по направлению к новому городу Джизаку.

Когда Назир Ходжа узнал, что повстанцы убили волостного, он очень рассердился и сказал: „Плохо вы сделали“. За эти слова один из повстанцев чуть его не убил, спасло его лишь заступничество других повстанцев.

Старший аксакал, узнав об убийстве Мирзояра, прискакал в новый город и сообщил все Рукину. Рукин, распорядившись немедленно выслать войска в старую часть Джизака, сам поехал навстречу повстанцам в сопровождении вооруженных — пристава, аксакала, переводчика и двух джигитов. На полдороге, встретившись с повстанцами, полковник Рукин по обыкновению грубо закричал на них и стал угрожать жестокой расправой.

Тогда возмущенные повстанцы убили полковника и его помощников.

В этот момент подошли войска и открыли стрельбу по почти безоружному народу. Повстанцы побежали по

Мухамед Амин Мамадалиев (Дамин Куяль),
гончар. Активный участник восстания
1916 г. в Джизаке. Был приговорен царским
судом к смертной казни. Впоследствии казнь
была заменена каторгой.

направлению к железнодорожной станции, где и соединились с местными железнодорожными ремонтными рабочими. Объединившись, они стали разрушать мосты,

телеграфные провода, подожгли станцию Ломакино, разрушили отдельные участки железнодорожного пути от ст. Ломакино до ст. Обручево. Повстанцы прекрасно

Курбанбай Урдибаев, рабочий кирпичного
завода, активный участник восстания 1916 г.
в Джизаке. Был приговорен к смертной казни,
замененной потом каторгой.

понимали, что дезорганизация железнодорожного движения временно оттянет посылку войск против них.

Близлежащие кишлаки очень быстро узнали о событиях в Джизаке и начали восставать один за другим.

Восстал весь Зааминский район, вся долина реки Санзара и Богданский район. Во главе повстанцев Санзарской долины встал дехканин-середняк из кишлака Шайбек—Шайзак Садыков. Он был энергичный и отважный человек. Узнав о наборе, Садыков собрал дехкан и ска-

Даны Садыков, дехканин, активный участник восстания в Санзаре. Брат руководителя восстания в к. Санзари Шайзака Садыкова.

зал им: „Баи могут откупиться деньгами. Дети же бедняков должны будут ехать мардекерами“. Тогда из толпы дехкан выделился один парень—Мухамед Хусаинов—и сказал: „Пусть отрубят нам головы, но мы в мардекеры не пойдем“. Садыков и Хусаинов собрали вокруг себя массы возмущенных дехкан. Решили лучше вступить в бой с царскими войсками и погибнуть, чем отдавать

своих родных и близких в мардекеры. Повстанцы заявили, что они не считают себя подданными „белого царя“ и хотят существовать самостоятельно.

Местные помещики, кулаки-баи, духовенство были не на шутку испуганы натиском и решительностью масс. Некоторые из них, не желая потерять свой авторитет в глазах масс, боясь за свое имущество и жизнь, вынуждены были делать вид, что они заодно с повстанцами. Так, один из баев Заамина рассказал о себе: „Я находился в толпе. Но я среди них был не в качестве восставшего, а ходил среди них из-за боязни самосуда толпы над собой“¹.

Так же вынуждены были поступить и ишан Назир Ходжа и джизакский помещик Абдурахман Джевачи. Джевачи был княжеского рода, родственного мангытам, из которого происходили эмиры бухарские. До русского завоевания отец Джевачи владел целым округом. Естественно, что помещик Джевачи ничего общего не мог иметь с дехканской беднотой. Но он боялся потерять господство над массами и уронить свой авторитет. Он боялся потерять свою жизнь и имущество. Поэтому-то он и сказал дехканам, что идет вместе с ними против ненавистой власти и произвола царя. Так поступили и ишан Касым Ходжа в Заамине и казий Туракул в Санзаре. Они только временно прикидывались друзьями повстанцев.

В течение июля восстание пылало по всем трем областям. Несмотря на то, что царские власти направляли против почти безоружных масс свои регулярные войска с пулеметами, гранатами и пушками, — повстанцы не сдавались.

БОРЬБА ПОВСТАНЦЕВ С КАРАТЕЛЬНЫМИ ОТРЯДАМИ.

Восстание в Джизакском уезде упорно продолжалось. Паника охватила царскую власть. 15 июля командующий войсками Туркестанского военного округа назначил полковника Иванова начальником карательных войск и при-

¹ Воспоминания Юл-Яхши Нарматова, Архив УзНИИМЛ.

Группа участников восстания в кишлаке Шайбек, бывш. Санзарской волости.

казал ему: „В карательных действиях проявите железную твердость и решительность, имея в виду как непосредственных виновников убийств и беспорядков, так и местное население, ответственное за факт восстания против русской власти“. Таким образом широкие массы Джизакского уезда всецело отдавались в руки жестокого карателя и обрекались на уничтожение. Своей зверской расправой царские власти хотели так напугать местное население, чтобы оно больше уже не решалось вступать в борьбу.

Размах восстания не на шутку напугал и царское правительство в Петрограде. 16 июля генерал-губернатор отправил в Петроград телеграмму с просьбой немедленно объявить Туркестан на военном положении, а 17 июля уже состоялось „высочайшее повеление“ по этому поводу. Карательный отряд уже приступил „к действию“. Захватывали беззащитных женщин и детей в качестве заложников. Мучили их, пытали и всячески издевались над ними. По распоряжению командующего войсками было запрещено продавать местному населению билеты для проезда по всей Среднеазиатской железной дороге. Местное население Джизака было поймано, как в мышеловку.

По всему Джизакскому уезду полковник Иванов вывесил объявления о том, что все повстанцы будут уничтожены, а имущество взято в казну. А для того, чтобы избежать такой участи, повстанцам предлагалось выдать своих „главарей“. Но это свирепое объявление не достигло своей цели. Повстанцы не сдавались и не выдавали своих товарищей. Они собирались тысячными толпами и выступали против карателей, стараясь вырвать Джизак и Заамин из их рук. Шайзак Садыков, во главе почти тысячного отряда, шел на Заамин. Он хотел выбить оттуда засевших карателей. Из Кара-кишлака, Яныкурганской волости, шла масса повстанцев во главе с дехканином Мавляном Айматовым. Во главе повстанцев кишлака Калтай шел бедняк Умур Ачилов. Они направлялись к кишлаку Янгикурган, где также сидели каратели. Подобно Садыкову, Айматову, Ачилову и в других кишлаках из среды дехкан выделялись наиболее

активные и отважные бойцы и шли во главе возмущенных дехканских масс.

Повстанцы не только упорно защищались, но и нападали. Они прекрасно знали, что в случае поражения — пощады им не будет. Придавали энергии повстанцам также и слухи, которые долетали до них из других областей, о непрерывно продолжающихся там волнениях.

17 июля в Рабатской волости произошло серьезное столкновение между почти трехтысячной массой повстанцев и карательным отрядом. Но уже 18 июля карательный отряд прочно засел в Джизаке и при помощи пушечных залпов загнал повстанцев в горы. Исход этого восстания был уже ясен. Почти безоружные повстанцы долго не могли противостоять пушкам и пулеметам царских войск. Потери повстанцев были огромны, силы их были значительно ослаблены.

Карательный отряд сравнивал с землей один кишлак за другим, сжигая на корню посевы пшеницы, уничтожая виноградники и сады. Попадавшие ему на дороге дехкане, городская беднота, рабочие расстреливались без разбора. «В Зааминском и Санзарском районах каратели собирали повстанцев по 30—40 человек, запирали их в одном помещении и поджигали. Детей подхватывали штыками и бросали в огонь»¹. В Кара-кишлаке перебили 76 человек, главным образом женщин и детей. Те, кому удалось убежать, спрятались в камышах Санзар-сая, но каратели стреляли в камыши и убивали беззащитных. По ночам повстанцы пробирались в камыши к своим женам и детям. И страшные картины представляли перед их глазами. Так, например, в руках одной мертвой женщины был зажат живой маленький ребенок. В таком положении был найден повстанцами Кара-кишлака грудной ребенок — теперь уже взрослая девушка-дехканка Кутал-кишлака — Таджикол Марковаева.

Царские войска вышли победителями. Повстанцы начали сдаваться. За свою дикую, зверскую расправу полковник Иванов был назначен ферганским губернатором.

Последней попыткой борьбы в Самаркандской области было восстание в Каттакурганском уезде.

18—20 июля в кишлаках Каттакурганского уезда и в городе Катта-Кургане распространялись листовки с призывом свергнуть царскую власть. Широкие массы живо отозвались на такой призыв. Гнев их в первую очередь был направлен на проводников всех жестоких эксплуататорских мероприятий царской России — местную администрацию. Так, 18 июля в кишлаке Джума-базар повстанцы хотели убить волостного, но он успел убежать. Тогда они разгромили его дом и дома двух старшин.

19 июля волнения начались и в других местах. Повидимому у повстанцев была мысль захватить Катта-Курган. 20 июля городские повстанцы хотели напасть на русскую часть Катта-Кургана, но военно-полицейский отряд обстрелял их и принудил к отступлению. В это время по направлению к Катта-Кургану шло подкрепление — повстанцы из Калькурганской волости, вооруженные серпами, кетменями, ножами, ружьями, шашками. Но и они вынуждены были отступить перед вооруженным до зубов противником. Часть же повстанцев осталась в Каль-кургане и напала на дом казия.

Еще 2 июля этот калькурганский казий говорил возмущенному народу, что: «повеление государя священо и должно быть исполнено. И никто не смеет ему противиться». Один из повстанцев крикнул ему в ответ: «Молчи, проклятый богом, ты-то кого дашь?» Он знал, что у казия не было детей, а он сам был освобожден от набора, как представитель местной администрации. 20 июля казия и его помощника повстанцы убили; хотели убить и старшину с пятидесятником, но последним удалось скрыться.

21 июля около 4 тысяч повстанцев, собравшись на митанском базаре, тоже собрались итти на Катта-Курган, но были рассеяны войсками. В городе Катта-Кургане уже с 20 числа стояла артиллерия.

21 июля произошла последняя схватка и джизакских повстанцев с карательным отрядом в кишлаке Клы. Отряд казаков в 30 человек с пулеметом принужден был

¹ Газета „Зеравшан“ № 170 за 1924 г. „Воспоминания участника“.

отступить, и только прибывший на помощь карательный отряд из Джизака помог отбить наступление. Повстанцы начали массами убегать в горы, в Гиссарское, Шах-риязьбское и другие бекства Бухарского ханства.

Бухарское дехканство, хотя активно и не участвовало в восстании, но всеми мерами старалось помочь своим братьям. В их убогих жилищах не раз находили себе приют замученные, загнанные повстанцы — узбеки и таджики Самаркандской области. Но и сюда, в „независимое“ ханство, царизм без труда протянул свои страшные щупальцы. Эмир бухарский был верным слугой русского царя. Он также ненавидел и боялся повстанцев. Поэтому он распорядился поставить заставы для поимки повстанцев на границах Бухары с Самаркандской областью.

Хотели убежать в Гиссарское бекство и Садыков Шайзак со своим братом Даны и семьей и Хусайнов с братом Курбаном. По дороге Шайзак с семьей остановились в кишлаке Яман-Джер. Здесь он был выдан властям бараньим маклером — баем Исмамом. Арестованного Шайзака отправили в самаркандскую тюрьму. Брат же, бывший с ним, укрылся в Булунгурском районе. Средний брат Ибрагим Садыков — повстанец кишлака Наука — был зарублен карателями.

Царские генералы, увидев, что победа остается на их стороне, всеми способами показывали свою неограниченную власть. 21 июля губернатором Ерофеевым был издан приказ об обязательных поклонах „туземцев“ царским чиновникам. Кто не успевал поклониться, того унижали, беспощадно били и обирали. Этот приказ был лишним поводом для легального грабежа. Чиновники без зазрения совести пользовались этим приказом и набивали свои бездонные карманы. Эти сытые враги голодающих масс были ненасытны. Приказ давал им простор не только для грабежа, но и для самого оголтелого великодержавного шовинизма.

Карательные отряды, кроме жестоких расправ с повстанцами, занимались также грабежом всего, что только попадало им под руку. То, что они не могли захватить с собой, они уничтожали. Мародерство приняло

Обязательный поклон русскому чиновнику.

огромные размеры. По распоряжению командующего войсками для ограничения мародерства были созданы даже специальные заставы. Но это мало помогало. Грабежом занимались не только нижние чины, но и высший командный состав. Офицеры, возглавлявшие карательные отряды, были настоящими хищниками, ворами и пьяницами. По своем возвращении из „экспедиции“ они буквально заваливали базары Ташкента, Самарканда и других городов награбленным ими имуществом — коврами, одеялами, посудой и т. п.

После 25 июля 1916 г. восстание в Узбекистане было окончательно и повсеместно подавлено. 25 июля Абдурахман Джевачи добровольно сдался на милость царских генералов. Во время допроса он все время уверял судей, что нет человека, более преданного русскому царю, чем он, и что его участие в восстании было несчастной случайностью.

7 августа с 5 часов утра карательный отряд полковника Иванова выгнал из города все местное население Джизака, состоявшее главным образом из стариков-отцов, жен и детей повстанцев. Изгнанникам не дали взять с собой ни хлеба, ни воды и погнали вглубь уезда, сознательно обрекая их на голодную смерть.

Весь старый город Джизак был расстрелян из пушек и стерт с лица земли. Были также уничтожены в Богданском районе кишлаки — Ямчи, Янги-кишлак, Ата, Сафар-Ата, Караташ и Сарым-сак; в Джизакском районе — Клы, Кара-клы, Сасык. В Зааминском участке — Заамин, Каир-Яма, Кара-кишлак, Курук, Кур-Казан, ст. Ломакино (20 лавок и караван-сарая), Кара-Сыргали и еще 10 кишлаков. В Санзарском районе кишлаки — Шайбек, Кырк, Таджик, Санзар, Суфи, Джеты, Булак, Ак-Мулла, Кичик-Карашакшак, Катта-Карашакшак и еще 9 кишлаков. В Пишагорском участке — кишлаки Пишагор, Кочталь и Чамбиль. В Рабатском районе — Рабат.

Страшна была расправа с Джизаком. И царские власти непрерывно напоминали о ней. Военный губернатор Самаркандской области Лыкошин всюду велел объявить следующее: „Если не дадите рабочих добровольно, их возьмут у вас силой, и, кроме того, вы понесете нака-

зание за неисполнение требований власти. За сопротивление начальству у вас возьмут рабочих в два — три раза больше, чем назначено. Затем вы потеряете свое имущество, вы знаете, что сделано с Джизаком: его расстреляли из орудий и сожгли, он уничтожен. Так же поступили и с некоторыми кишлаками. Много убито мятежников, а с ними случайно и мирные жители мусульмане. Оставшиеся разорены и стали нищими. Кто из мятежников и виновников еще жив и скрывается, все равно тот будет пойман и повешен. Неужели вы желаете, чтобы... и с вами так было поступлено... Мусульмане, между вами есть благоразумные люди. Они должны убедить непокорных покориться воле государя и дать рабочих. Теперь в Туркестанском крае военное положение. Теперь нет мирных законов, а действуют законы военные, по которым наказание короткое — смерть. Отмены рабочих не будет, а упорство ваше послужит только причиной несчастья для вас“¹.

НАБОР РАБОЧИХ.

В начале августа царские власти объявили местному населению о том, что царь Николай распорядился отложить набор до 15 сентября. Но эта отсрочка была вызвана отнюдь не „великодушием“ царя, а страхом и неуверенностью в том, что восстание не повторится. Этого страшно боялись и верные слуги царизма — местные помещики, духовенство, национальная буржуазия, в том числе и джаиды. Все носители и выразители колониального режима решили собраться с силами, чтобы спасти свое господствующее положение.

Начался „добровольный набор“ на тыловые работы. Местное население заматалось, охваченное ужасом. Вся тяжесть этого набора лежала на плечах городской и кишлачной бедноты. Баи освобождались всякими способами. За большие взятки они записывали своих детей-белоручек в чернорабочие — на российские предприятия.

КТГГ. Секр., л. № 1135, ф. 11, 1916 г., л. 301. Донесение военного губернатора Самаркандской области Куропаткину.

тия, рабочие которых освобождались от набора. Они нанимали за себя бедняков. А если не находилось охотников за деньги отдавать свою жизнь, тогда баи не стеснялись в средствах. Сначала они предлагали какому-нибудь молодому парню-бедняку из своего кишлака или махаллы пойти за себя по набору, а по возвращении обещали или сделать его членом своей семьи, или выдать за него свою дочь. Когда и такое „заманчивое“ предложение не действовало, баи переходили в наступление и угрожали донести губернатору о том, что данный человек — враг России и белого царя. И терроризированный бедняк вынужден был соглашаться „добровольно“ пойти на тыловые работы за бая. В противном случае, по ложному доносу бая, ему грозила бы виселица за „измену отечеству“.

После 15 сентября в Узбекистане было немедленно приступлено к отправке рабочих на тыловые работы в Россию. Много тысяч голодных, раздетых, разутых тыловиков рабочих было отправлено в Россию рыть окопы, строить железные дороги, работать на заводах, фабриках и рудниках.

Проводы тыловиков сопровождалась горькими слезами их родных и близких. Тыловики, уезжая с родины, не надеялись уже никогда вернуться домой. И действительно, много их погибло в далекой и холодной России от непосильного труда, от голода и холода. Но многие из них вернулись обратно после Февральской революции. Эти возвратившиеся тыловики, так счастливо вырвавшиеся из страшных когтей двуглавого орла, были наиболее активными сторонниками и агитаторами советской власти. Они уже понимали, кто их друг, а кто — враг.

ЦАРСКАЯ РАСПРАВА.

Уже с начала июля царские тюрьмы были забиты повстанцами. Заработали военно-полевые суды. Перед судом должно было предстать свыше 3000 человек. В судах допрашивали с пытками, издевались, били до полусмерти, потом приговаривали к смертной казни или к бессрочной каторге.

Так, из 141 человека осужденных джизакских повстанцев — 50 были приговорены к смертной казни, 51 сослан в каторгу. Из 62 человек, осужденных по Богданскому району, к смертной казни было приговорено 34.

По судебным делам, прошедшим до 1-11-1917 г., к смертной казни было приговорено 347 человек, а к каторжным работам и тюрьме — 525.

В военных судах свидетелями обычно были или царские полицейские, вроде убийцы — Мочалова, или местная администрация, или баи. Все эти свидетели всеми силами помогали царским судьям и возводили чудовищные поклепы на подсудимых. Очень часто царские генералы превращали казни повстанцев в публичные зрелища „для острастки“. В течение августа, сентября, октября, ноября и декабря 1916 г. и января-февраля 1917 г. были казнены все активные участники восстания 1916 г. трех областей: Ферганской, Самаркандской и Сырдарьинской. Одним из первых был казнен в Самарканде Шайзак Садыков; были казнены также и Хусайнов, и Аиматов, и Назир Ходжа и Джевахи, и Туракул Турадбеков. Касым Ходжа из Заamina был приговорен к 20 годам каторги.

В связи с восстанием в Ташкенте 11 июля были судимы военно-полевым судом 34 человека, из них 3 дехканина — Абдурахман Хакимов, Пулат Ходжа Иногам Ходжаев, Максум Курчибаев; 10 рабочих — Юлчи Ибрагимов, Ша-Салихов и Шакир Камалев — кожевники, Низаметдин Зайнутдинов, Гулям Камалев, Мурад Ходжа Мухамед Али Ходжаев, Уста Адиль Алимбаев, Алим Ходжа Уста Якубов — строители; Таджикибай Юнус Ходжиев — рабочий механических мастерских ташкентского трамвая; Махмуд Ходжа Мирза Ходжаев — печатник; 13 кустарей — Миркасым Исамухамедов — набойщик, Якуб Раджабов — конюх, Абдурахман Абдукаюмов, прозвище Суфи, — сапожник; Якуб Мураджабаев, Алимджан Мухамед Алиев и Махмут Мир Сагатов — шорники; Файзы Али Рахимбаев, Пулат Мир Исаев, Закирджанов, Пулат Ходжа Ша-Магдыев, Иргашбай Расулев, Мир Сагат Пайзы Суфиев и Кабур Мир Салихов — кустари и ремесленники; Азис Мусабаев — приказчик, и еще 7 че-

Полевой суд царского правительства над участниками восстания в Джизаке (1916 г.).

ловок, из них 4 торговца, 1 мулла, 1 казий и 1 сын казия. Из 34 человек — 5 наиболее активных повстанцев были приговорены к смертной казни:

Миркасым Исамухамедов — набойщик. Имел семью в 9 человек. Жил всегда впроголодь. В восстании 11 июля был одним из активнейших участников-агитаторов против угнетателей.

Гулям Камалов, каменщик, активный участник восстания 1916 г. в Ташкенте. Был приговорен царским судом к смертной казни. Впоследствии казнь была заменена каторгой.

Абдурахман Абдукаюмов, прозвище Суфи, сапожник. Часто работал поденно чернорабочим, летом батрачил. Жил со своей семьей в нужде и голоде. 11 июля при-

соединился к восставшим. Оборвал телефонные провода в полицейском управлении. Участвовал в избиении полицеймейстера Колесникова.

Таджибай Юнус Ходжиев—19 лет, рабочий механических мастерских ташкентского трамвая. 11 июля шел в первых рядах повстанцев, подбадривал их и призывал к энергичным действиям.

Низаметдин Ходжа Зайнутдин Ходжаев, штукатур, активный участник восстания 1916 г. в Ташкенте. Был приговорен царским судом к смертной казни. Казнь заменена была каторгой.

Низаметдин Зайнутдин—41 года, строительный рабочий, родился в семье батрака. Работая у мастера, получал 15 руб. в месяц и содержал семью из 4 чело-

век. 11 июля во время восстания бросился на вооруженного полицейского и хотел у него отнять шашку, но был избит полицейскими до полусмерти и заперт в полицейское управление.

Гулям Камалев—60 лет, строительный рабочий. Несмотря на преклонный возраст активно выступил 11 июля в числе наиболее энергичных и непримиримых повстанцев.

Из этих пяти человек повешены были двое—Исамухамедов и Абдукаюмов. Троице смертная казнь была заменена 20-летней каторгой. И только Великая пролетарская революция освободила их.

Самый юный из повстанцев—19-летний Таджибай, так был избит полицейскими, настолько был замучен в тюрьме, что, освободившись в 1917 г., уже почти не мог работать, а в 1921 г. умер. Гулям Камалев и Низаметдин Зайнутдин живут в Ташкенте, они уже глубокие старики.

Из остальных 29 человек—14 было оправдано, 6—приговорено к тюремному заключению, 9—к каторжным работам. Так, например, Юлчи Ибрагимов, Якуб Раджабов, Хакимов, Махмуд Ходжаев—на 20 лет каждый. Все они живы. Один из них, Махмуд Ходжаев, настолько сильно был искалечен царскими полицейскими, что стал инвалидом.

ВОССТАНИЕ В КИРГИЗИИ И КАЗАХСТАНЕ.

Узбекистан, как наиболее передовой район, выступил застрельщиком в героической борьбе против ненавистного колониального режима. Восстание 1916 г., начавшись в Узбекистане, в августе уже перекинулось дальше. Очень сильным и упорным оно было также и в Туркмении, и в Казахстане, и особенно в Киргизии. Казахские и киргизские народные массы, разоренные и обездоленные царскими захватчиками и своими собственными манапами и кулаками, лишенные земель и загнанные в горы, всю свою ненависть направили как против русской и местной администрации, так и русских переселенцев-кулаков. Повстанцы категорически отказывались

давать рабочих. Собираясь по несколько сот человек, они нападали на кулацкие поселки и сжигали их. Так было поступлено с русским поселком Ивановкой.

Ночью, 15 августа, небо было в ярком зареве — это горел поселок Ивановка. Ивановка славилась особым засильем в ней русских кулаков. Их эксплуататорские аппетиты не знали границ. Они обирали окрестное киргизское население и русских крестьян-бедняков, живших в Ивановке. И вот 15 августа повстанцы окружили ненавистное им кулацкое гнездо — Ивановку — и подожгли его.

Преследуемые царскими властями, больше 300 тысяч киргиз и казахов ушли в Китайский Туркестан, но несмотря на это борьба с колонизаторами продолжалась вплоть до Великой пролетарской революции.

ВОССТАНИЕ В ТУРКМЕНИИ.

Боролись против колонизаторов и туркмены. Большое количество их земель было в руках русских генералов, чиновников, купцов и кулаков. Их также разоряла и угнетала местная и царская власть. После объявления указа о наборе туркмены категорически заявили: „Мы — вольные птицы, и для нас унижительно итти рыть землю подобно кротам“.

Туркменские повстанцы вступали в бой с казаками и полицейскими, разоряли русские кулацкие гнезда. Ненависть повстанцев выливалась и на своих родовых вождей, которые старались доказать, что призыв на тыловые работы не позор, а великая честь.

Везде указ о наборе встречал резкий протест. Но так же, как и с узбеками, царские власти жестоко расправлялись и с киргизами, и с казаками, и с туркменами, и с каракалпаками.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО ДЖАДИДОВ.

Восстание 1916 г. было направлено против ненавистного русского колониального режима. Оно было направлено против всех его носителей и выразителей —

как российских колонизаторов, так и местных господ. Такая направленность восстания испугала всех угнетателей и еще крепче связала их между собой. Примеров, подтверждающих это положение, очень много. Приведем некоторые из них:

„Сего 22 июля после парада почетные туземцы г. Ташкента и туземцы-гласные городской думы — обратились ко мне (к генерал-губернатору — З. К.) с письменной и словесной просьбой, что они, потрясенные и подавленные явным неповиновением некоторой части ташкентских горожан высочайшему повелению о привлечении туземного населения на тыловые работы, просят верить их глубокому возмущению дерзостным преступлением безумных ослушников и искреннему желанию подавляющей части ташкентских туземцев искупить их великую вину перед государем-императором и родиной всеми доступными для них средствами, т. е. исполнить волю государя и дать требуемый наряд рабочих“¹.

Или же:

„... Начальник Кокандского уезда донес, что (в) Коканде две тысячи туземцев, пользующихся авторитетом (в) городе и (в) уезде (читай: баев-ростовщиков, держащих население в своих долговых сетях — З. К.)... изъявили письменно и устно готовность выставить назначенное число рабочих полностью“².

Оба эти примера говорят о несомненно враждебном отношении национальной господствующей верхушки к развернувшемуся *восстанию трудящихся масс*. Помещики и буржуазия почуяли опасность, которая грозила им, и сразу перешли на сторону царя и его генералов.

Измена узбекской буржуазии выразилась и в предательстве джадидов.

„Джадид“ означает — „сторонник нового“. После революции 1905 г. джадиды пытались встать во главе борьбы узбекского народа против царской власти. Но джадиды были против каких бы то ни было решительных

¹ КТГГ, ОТД. секр. д. № 1140, 1916 г., л. 35.

² Приложение к секрет. д. № 42 Азиатской части Главного штаба. Телеграмма военному министру из Ташкента 28/VII-1916 г.

действий. Они не вели революционной борьбы с царской властью. Они хотели получить некоторые льготы от царя мирным путем.

В восстании 1916 г. джаиды явно встали на службу к российскому самодержавию.

Джаиды непосредственно помогали Туркестанскому генерал-губернатору Куропаткину проводить набор. В Ташкенте и других городах царским правительством были образованы „городские комитеты по призыву на работу в тылу действующей армии“.

В Ташкентский комитет входили главные лидеры джаидов, как Мунаввар-Кары, Убайдулла Ходжаев, Абдуллабеков, Расуль Ходжаев, Сарымсак Ходжаев, Мирза Касым, Сагатбаев и другие. Мунаввар-Кары и другие джаиды усиленно помогали и в подавлении восстания. Они участвовали в вернопопданнейшей делегации ташкентских богатеев к генерал-губернатору и обещали всеми силами поддерживать и провести набор. И они сдержали свое слово. Все городские комитеты были отвратительными лакейскими организациями, старавшимися во что бы то ни стало угодить своим господам — царским колонизаторам.

Все журналы и книги, выпускаемые джаидами по поводу событий 1916 г., полны выражениями „вернопопданнейших“ чувств. Джаидские поэты, вроде Авляни и Ходжимирарова, захлебываясь от восторга, воспевали мудрость „белого царя“. Они воспевали доброту и справедливость Куропаткина, называли его „отцом туркестанского народа“.

Генерал-губернатор Куропаткин был одним из типичных царских захватчиков-колонизаторов, которые „с огнем и мечом“ нападали на слабые народы, грабили и порабощали их. В 1868 г. он участвовал в разгроме и захвате Самарканда. После этого в течение года он был в Алжире и принимал участие во французских захватнических экспедициях. В 1876 г. он, совместно с генералом Скобелевым, зверски усмирал кокандских повстанцев. С тем же Скобелевым генерал Куропаткин участвовал в захвате Туркмении и в 1881 г. захватил Ашхабад. В 1890 г. он был назначен начальником Закаспийской области и командующим войсками. С 1898 по 1904 г.

был военным министром. В русско-японскую войну Куропаткин командовал армией и на полях Манчжурии потерпел жестокое поражение, погубив несколько десятков тысяч русских солдат. Но в глазах царя это не поколебало его авторитета как наиболее преданного и верного слуги. В империалистическую войну Куропаткин командовал армией Северного фронта. В середине 1916 г. он был срочно снят с командования и переброшен в Ташкент в качестве туркестанского генерал-губернатора. Он был выбран царем Николаем Кровавым как самый надежный, самый выдержанный и испытанный генерал, способный „твердо и решительно усмирить бунтовщиков“, т. е. безжалостно уничтожить повстанцев.

Джаиды все это прекрасно знали, но они старались обмануть свой народ и поэтому говорили, что Куропаткин ему друг и отец. Джаидские „оборонцы“ писали о том, что все узбеки должны помогать отечеству. Они старались доказать, что сейчас у всех, в том числе и у местных народов, враг один — это Германия, которую необходимо победить. А отсюда делали вывод: все народы Узбекистана должны считать за великую честь, что царь не обошел их „своей милостью“, а соблаговолил и их призвать для защиты царя и родины. Во всех этих выступлениях джаиды выявляли себя только как предатели народных интересов. Многие из джаидов брали на себя и такие обязанности, как доставка рабочих на места работ — в Петроград, на Северный фронт, на Кавказ, на Украину и в другие места.

Для иллюстрации отвратительного пресмыкательства джаидов перед царизмом стоит лишь просмотреть несколько номеров „Туркестанской краевой газеты“ за август — сентябрь 1916 года.

18 сентября 1916 г. отправлялась из Ташкента первая партия тыловики в количестве тысячи обездоленных, измученных и затаивших ненависть к своим угнетателям дехкан, рабочих, ремесленников. Джаиды захлебываясь от восторга, писали: „В этом году исполняется пятьдесят лет со дня покорения русскими города Ташкента. Сарты города Ташкента, являясь передовыми среди мусульман Туркестанского края, смело и мужествен-

но выступив первыми наравне с русскими и мусульманами на защиту нашего российского государства, отправили в города Российской империи тысячу человек мардекеров, собранных его высокопревосходительством туркестанским генерал-губернатором, генерал-адъютантом Куропаткиным... Там они будут помогать поражению врага нашей родины и всех культурных народов, преданной службой российскому правительству и помощью славной, героической армии. Сарты города Ташкента счастливы и довольны тем, что они первые идут на такую великую славную работу... 16 сентября в соборной мечети собрались все почетные комитеты для проводов 1000 мардекеров... (18 сентября)... учащиеся школ, во главе с Абдуллою Авляни и Низаметдином Ходжаевым, которые несли национальные флаги, подняли портреты государя... царицы и... Куропаткина, взяли знамена с надписями: „Да здравствует наш царь!“ и прошли по улицам... причем... громко пели:

Да здравствует справедливый белый царь!
Белый царь проявил милость,
Дела стали легкими,
Помогите армии.
Давайте смотреть молодежь...
Усердно, усердно, о мусульмане,
Служите, служите, славные львы¹.

Приведенные факты блестяще иллюстрируют всю низость и глубину падения джадидов. Они бесстыдно лгали, стараясь дезорганизовать массы. Они повсеместно распространяли ложные сведения о „радости и довольстве“ тыловиков во время их отправки в тыл, в то время как на деле эти отправки были полны мучительными, тяжелыми сценами расставания, отчаяния и ужаса перед ожидающими их невзгодами. Тыловики горели ненавистью к „белому царю“ и его приспешникам. Но до поры до времени они затаили эту ненависть, хотя нередко она вырывалась наружу. Среди широких народных масс были очень распространены песни, посвященные событиям 1916 г. Эти песни могут служить пока-

зателем того, как трудовой народ относился к царю и его слугам. Вот одна из этих песен¹:

Высок, Саид Ахмад, твой дом.
А имя выше и знатней.
Разнесся всюду слух о том,
Как ты записывал парней.
Так будь же проклят твой отец!
Тысячу проклятий!
Тысячу проклятий!

Припев:

Скрепя сердце шли поневоле
Молодые джигиты в поход.
Собирались как в злую неволю
Молодые джигиты в поход.

В шубе бархатной Ахмаду тяжело,
Шубу снял и положил он на седло,
В список тех Саид джигитов записал,
Только тех, кого плохими он считал.

Припев.

В воду веточка упала,
В список молодежь попала,
Плачет мать, заныла грудь,
Двинулись джигиты в путь.

Припев.

Бело яблочко* плавает,
Чтоб джигиты ели плод!
Белый царь приказы шлет:
„Добровольцев подавай!
Добровольцев подавай!“

Припев.

Быстро поезд прибежал
И джигитов вдалеку умчал.
Мингбаши уж новый бай,
Умер старый Мавлянбай.

Припев.

¹Из фольклорных материалов Института языка и литературы Комитета наук при СНК УзССР. Пер. с узб. С. Педастрова.

¹ «Туркестанская краевая газета» № 51, 1916 г. 24/IX.

Молодежь растет, цветет
Словно розы в цветнике.
Как богатство в сундуке,
Нужно их беречь, растить,
Царь проклятый не дает
Этим розам расцвести.

Припев.

Тюбетейка Мавлянке
Под дувалом в пыли,
Здесь же труп Мавлянке
У дворцовой стены.

Припев.

В домике у Мавлянке
Друг его стрелок живет.
Плачут дочка Мавлянке:
«Папа где, когда придет?»

Припев

Не поехали бы в Двинск,
Но джигитов посылают.
Заставляют ехать в Двинск
Пули, пушки Николая.

Припев.

Что ж, пришлось нам ехать в Двинск,
Пусть сгорит твоя дубрава,
Пусть погибнет наш мучитель,
Николай—палач кровавый!

Припев

Из колен он кровь сосал,
Много пользы наживал,
Девять месяцев без права
Нас работать заставлял
Николай—палач кровавый.

Припев

Скрепя сердце шли поневоле
Молодые джигиты в поход,
Собирались как в злую неволю
Молодые джигиты в поход.

В этой народной песне сказано очень много. В ней выражена ненависть и к царю, и к баю—минг баши. Широкие трудящиеся массы уже увидели, что они в борьбе за свое освобождение должны рассчитывать только на свои собственные силы.

В лице городских комитетов — бай, национальная буржуазия, джаиды не постеснялись взять на себя обязанность обеспечения своевременного проведения набора. Не постеснялись они также взять на себя и миссию расправы с повстанцами. «Джаиды в лице Мунавара Кары и Садретдин-хана принялись за подавление восстания. А Саид Махмудхан казы дал также распоряжение, что нужно расстреливать сопротивляющихся людей¹. При их помощи восстание 1916 года было потоплено в крови повстанцев.

¹ Из воспоминаний участника Ташкентского восстания Юли Ибрагимова.

Глава III.

УРОКИ ВОССТАНИЯ 1916 года В УЗБЕКИСТАНЕ.

В восстании 1916 г. главную роль играли именно батрацкие и бедняцко-середняцкие массы дехканства. Они выдвигали из своей среды энергичных, отважных и самоотверженных людей, бесстрашно глядящих в глаза опасности. Именно таким был Шайзак Садыков—дехканин-середняк из кишлака Шайбек, Санзарской волости, ставший во главе восставших дехкан из близлежащих кишлаков. Таким был и Мавлян Айматов из Кара-кишлака. Таким был и молодой парень-дехканин Мухамед Мурад Хусайнов из кишлака Бахмал. Недаром позднее они были казнены царскими палачами одними из первых.

Широкие дехканские массы боролись с величайшим упорством и героизмом. Во многих городах и кишлаках вместе с дехканами боролись рабочие, а также ремесленники, кустари и другие мелкобуржуазные элементы города.

Все они шли единым фронтом против ненавистного царского произвола, против всех защитников и носителей этого произвола—русской и местной администрации, местных помещиков, ростовщиков, буржуазии. Поэтому лозунг: „Долой белого царя! Не дадим ему рабочих“—немедленно влек за собой и другой: „Бей волостных, бей мингбаши, продавших нас русскому царю“.

Но несмотря на солидарность дехканских, пролетарских, полупролетарских и мелкобуржуазных масс восстание было жестоко подавлено совместными усилиями

Группа участников восстания 1916 г. в Джизаке.

царских генералов, баев, мулл, джадидов и прочих угнетателей.

Почему же им удалось подавить это восстание? На этот вопрос может быть только один ответ.

Для того, чтобы освободиться от колониального гнета в 1916 г. народы Узбекистана должны были иметь во главе организованный рабочий класс, руководимый революционной партией. Такой партии в 1916 г. в Туркестане не было. Местные рабочие хотя и выступали в некоторых районах самоотверженно во главе восстания, но были сами неорганизованы, а потому слабы. Их неорганизованность, малосознательность и малочисленность не дали им возможности объединить повстанцев и стать революционным авангардом восставших масс. Местные рабочие еще не усвоили пролетарских методов борьбы, которым они могли научить повстанцев. Что же касается узбекской буржуазии, то в 1916 г. она уже не могла возглавить национально-освободительную борьбу. Война еще теснее связала ее с царской Россией. Узбекская буржуазия наживалась на военных поставках. Война дала ей также большой простор для эксплуатации своего народа.

Отсутствие организации, отсутствие четкого представления о конечных целях борьбы неизбежно вели к разрозненности и стихийности выступлений повстанцев. Недостаточная сознательность повстанцев привела также и к тому, что в районе наибольшего напряжения революционной борьбы, именно в Джизакском уезде, в восстании участвовали отдельные представители помещиков и духовенства, не имеющие ничего общего с массами повстанцев.

Почему же могло так случиться? Потому, что Джизакский уезд, зерновой и животноводческий район, наиболее отсталый в хозяйственном отношении, не имел почти никакой промышленности. Там не было и промышленного пролетариата. Дехканские массы, задавленные нуждой, налогами, бесправием, находились еще под некоторым влиянием помещиков и мулл.

Казий Туракул Турадбеков, помещик Абдурахман Джевахи, ишан Назир Ходжа и другие говорили повстан-

цам, что и они ненавидят русского царя и его чиновников, что и они готовы до конца бороться с ним. Но они скрывали от масс самое главное, а именно то, что в случае победоносного окончания восстания, став беками, они будут и единственными владыками трудящихся масс. Джевахи и другие предусмотрительно сами объявляли себя беками. И Джевахи, и Назир Ходжа, и другие феодалы, вынужденно примкнувшие к восстанию в Джизакском уезде, только лишь временно прикидывались друзьями народа.

Стоило только появиться царским карательным отрядам в Джизакском уезде и начать беспощадно уничтожать повстанцев, как Джевахи решил сдаться. 25 июля он тайком выбрался из рядов повстанцев и поехал на встречу царским войскам. Для того, чтобы обеспечить себе спасение, он пустился на хитрость. Он освободил двух русских женщин (врача Янковскую и ее домашнюю работницу (Клюеву), захваченных повстанцами, и сам повел их к царскому приставу. Пристав его немедленно арестовал.

Один из повстанцев, допрашиваемый по этому случаю военно-полевым судом, сказал: „Я думаю, что он (т. е. Джевахи) это сделал нарочно. Увидел, что солдат много, что дела сартов плохи, задумал поэтому выручить себя, и под видом спасителя русских женщин сдался“...

На допросе Абдурахман Джевахи рассказал о себе, что он „... арендатор весового сбора по всему участку. Имею 100 десятин пахотной земли, 10 домов, 10 лавок. Происхождение свое мы выводим из дома мангытов, из того же рода, из какого происходит и бухарский эмир. Это у туземцев самый почетный род. Он разделяется в Богданском участке на 10 подродов. Во главе каждого имеется свой представитель, обыкновенно самый богатый в своей среде. Я был представителем одного из таких подродов, именно — „шаталыб“.

Естественно, что такой родовой тип узбекский аристократ не мог итти до конца с повстанцами. Но предательство не помогло Джевахи. Как он ни старался доказать, что „он всегда отличался большой привязанностью к

русским и был верноподанным государю-императору", царские генералы все-таки приговорили его к смертной казни и повесили.

Основной ведущей силой в восстании 1916 г. в Джизаке были именно широкие дехканские слои. Но и здесь, в наиболее отсталом районе, они не были одиноки. Вместе с ними пошли местные ремонтные рабочие Среднеазиатской железной дороги (станции Обручево—Ломакино).

Мы уже видели, какую роль играли рабочие и ремесленники в Ташкенте. Мы знаем, как ташкентские рабочие, еще до официального объявления указа, уже собирались в своих махалля и обсуждали вопрос о наборе. Так, рабочие-кожевники Сибзарской и Кукчинской махаллей собирали вокруг себя дехканскую бедноту и, особенно, местных кустарей и ремесленников, с которыми они были связаны по работе, и уговаривали их не давать своих детей русскому царю. А когда дело дошло до открытого возмущения 11 июля, то рабочие пошли во главе. Неслучайно ведь, что из пяти человек, приговоренных к смертной казни, двое были рабочие-строители—Зайнутдин и Камалев, и один рабочий ташкентского трамвая—Таджибай.

В Фергане также, наряду с дехканами, выступали и местные ферганские рабочие, и ремесленники, и прочая городская беднота. В тех районах, где в восстании участвовали рабочие,—в Ферганской области, в Ташкенте и на станциях железной дороги,—было более отчетливое размежевание классовых сил. Но отсутствие пролетарского руководства привело восстание 1916 г. к поражению.

Восстание 1916 г. было исключительно важным уроком в истории национально-освободительной борьбы народов Узбекистана. Восстание 1916 г. было упорной борьбой колониальных масс с российским колониальным режимом в целом. Восстание 1916 г. дало возможность массам увидеть настоящее лицо всех своих врагов. Оно было серьезной школой революционного воспитания масс.

Участники восстания 1916 г. и трудящиеся, мобилизованные на тыловые работы, сыграли большую револю-

ционную роль в период подготовки к Великой пролетарской революции и в период гражданской войны. Они были организаторами советов трудящихся мусульман. Они помогли массам осознать свои классовые интересы. Они шли в первых рядах борцов за советскую власть.

Восстание 1916 г. показало, как жестоко просчитались царские власти, рассчитывая на народы Узбекистана, как на свои резервы; как жестоко они ошиблись, считая что местные господствующие классы настолько сильны и авторитетны, что могут предотвратить восстание.

Однако жестокое подавление восстания 1916 г. показало, что восставшие массы не были еще настолько сильны, чтобы вырваться из российской тюрьмы и сбросить с себя эксплуататорское иго. И только с помощью русского пролетариата, свергнувшего своих эксплуататоров, угнетенные народы смогли вступить на путь социализма, минуя мучительную стадию капиталистического развития.

В 1917 г. Великая пролетарская революция мощной рукой сбросила гнет российского военно-феодалного империализма. Тюрьма народов — царская Россия — была уничтожена. На ее месте возник мощный СССР—отечество всех угнетенных. Узбекское трудящееся дехканство не замедлило подтвердить слова В. И. Ленина, что „крестьяне, находящиеся в полуфеодалной зависимости, отлично могут усвоить идею советской организации и осуществить ее на деле“, и Узбекистан стал равноправным членом Советского Союза.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
<i>Гл. I. Как жилось народам Узбекистана до революции</i>	
Узбекистан—колония	5
Как жил рабочий	7
Как жил дехканин	8
Как жил трудящийся-кочевник	10
Налоговый гнет	11
Ограбление трудящихся царскими и местными властями	14
Как русская и местная буржуазия грабила народы Узбекистана	15
Наращение возмущения масс	16
<i>Гл. II. Восстание 1916 г. в Узбекистане.</i>	19
Указ и его классовая сущность	19
Начало восстания	22
Восстание в Ферганской области	22
Восстание в Ташкенте и Ташкентском уезде	27
Восстание в Самаркандской области	32
Борьба повстанцев с карательными отрядами	37
Набор рабочих	45
Царская расправа	46
Восстание в Киргизии и Казахстане	51
Восстание в Туркмении	52
Предательство джаидов	52
<i>Гл. III. Уроки восстания 1916 г. в Узбекистане</i>	60

Ответств. редакторы: *Гимадиев, Арит*;
Техн. редактор *Н. Копыткова*.
Корректор *А. Предтеченская*.

Сдано в набор 11/I-1937 г. Подписано к печати 29/III-1937 г. Индекс—с/эк.
Тираж 3150. Уч.-авт. лис. 2,68. Печ. лис. 2¹/₄. Формат 72×109²²/₃₂.
Договор № 780-36 г. Узгиз № 32. Уполн. Узлита № 1817.
Заказ № 80. Цена 75 коп.

Ташкент. Полиграфкомбинат им. Икрамова—НКСМП УзССР 1937